

Проект «Планета молодых»

# Достучаться до звёзд



СБОРНИК ФАНТАСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

Литературный конкурс 2011 год

**Коллектив авторов**  
**Достучаться до звёзд: сборник**  
**фантастических рассказов**  
**Серия «Проект «Планета молодых»»**

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=5957138](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5957138)*

*Достучаться до звёзд: сборник фантастических рассказов.: Новая  
реальность; 2012*

*ISBN 978-5-8040-0100-2*

### **Аннотация**

В 2011 году Корпорация «Развитие и Совершенствование» совместно с издательством «Новая реальность» провела первый ежегодный всероссийский конкурс фантастических рассказов среди начинающих авторов. По итогам конкурса 1-е место занял рассказ «Пробуждение» Николая Переяслова, 2-е место – «Достучаться до звёзд» Сергея Белаяра и 3-е место – «Сказка о том, как Авдотья Лебединой девой стала» Лидии Молодкиной. Редакция издательства отметила также рассказ «На краю галактики» Ирины Корневской.

Вниманию читателей предлагаются конкурсные работы.

# Содержание

Сергей Белаяр	5
Железный волк	5
Обманутые надежды	24
Исповедь астронавта	33
Достучаться до звёзд	48
Родослав Гедас	57
Аполлон-11	57
Пигмалион и Галатя	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

# **Достучаться до звёзд Сборник рассказов молодых авторов в жанрах фэнтези и научной фантастики**

**Проект «Планета молодых»**

под редакцией С. В. Барановой и Г. Я. Тумаркиной

**Издание осуществлено при поддержке Корпорации  
«Развитие и Совершенствование»**

Главный руководитель проекта «Планета молодых» – *Георгий Ефимович Миронов*

Руководитель проекта «Планета молодых» – *Светлана Васильевна Баранова*

Редактор – *Галина Яковлевна Тумаркина*

# Сергей Белаяр

## Железный волк

*Год 1314-й от Р. Х.*

Сначала пришла боль нестерпимая, разрывающая на части. Казалось, всё тело пронизано сотнями раскалённых иголок, от чего сердце билось гулко и часто. Боль захлёстывала, била через край, сочилась холодным липким потом из каждой поры. Хотелось выть, кричать – безвольные губы не подчинялись.

Янка с трудом разлепил тяжёлые веки. Кроваво-красная пелена, застилавшая глаза, постепенно рассеялась, но взгляд пленника ещё долго бездумно, словно у юродивого, блуждал по сторонам. Пахло кровью и страхом. Янка увидел перед собой одетого в чёрное монаха, который участливо взирал на пленника.

– Ну что, чернокнижник, пришёл в себя? – монах улыбнулся ласково, словно старому знакомцу. Бескровные губы растянулись, обнажив гнилые пеньки зубов. – Будешь говорить или нет? – служитель Христа подошел к Янке, обдав смрадной волной давно немытого тела.

Слова доносились до измученного бесконечной пыткой

человека как сквозь толстый слой соломы, смысл слов застревал в ней и не доходил до пленника. Янка попробовал пошевелиться. Бесплезно. Железные обручи надёжно прихватили запястья, намертво приковав пленника к холодным кирпичам стены. Узник висел на вытянутых руках, не доставая босыми ногами до утрамбованного пола темницы.

– Говори, язычник! – приказал монах.

Янка в ответ лишь непонимающе уставился на него. Где-то за спиной монаха копошился второй человек, судя по всему, палач. Он деловито ворошил какие-то железки. Тянуло жаром раскалённого металла.

Непослушными губами, с трудом проглотив колючий комок жажды, пленник выдавил:

– Пить...

– Покайся, грешник! – монах поднёс к лицу Янки золотой крест, зажав нижнюю перекладину тремя пальцами. – Покайся, и будет вода...

Пленник повторил:

– Пить...

Монах, привыкший к благодатному влиянию креста на колдунов и всякую нечисть, опешил. Но пауза длилась недолго – монах, звякнув цепочкой, опустил крест, пристально посмотрел в глаза Янки.

– Хочешь пить? Тогда покайся...

– В чём? – с трудом ворочая распухшим языком, прошептал пленник.

Монах даже открыл рот и выпучил глаза. Неслыханная дерзость! Служитель церкви зашёлся от негодования.

Кое-как подавив гнев, он процедил:

– Покайся в грехах своих, чернокнижник, и Господь наш Иисус Христос смилостивится над тобой! Он простит тебя, как когда-то простил Адама, по наущению жены своей, Евы, вкусившего запретного плода с дерева познания добра и зла. Он простит тебя, как многих сотен других до тебя и после тебя!

Узник скривился – то ли от боли, то ли от отвращения, и снова попросил:

– Пить...

Монах, стиснув челюсти, подал знак палачу: напои. Здоровенный детина неспешно взял ковш, длинной, заросшей рыжей шерстью лапищей зачерпнул воды и поднёс к губам пленника. Янка, давась, жадно глотал тёплую, пропахшую болотной тиной воду.

– Будет с него! – монах махнул рукой, и палач отдернул ковш, расплескав остатки мутной жижи себе на рубаху. – Теперь сознаешься? – ласково спросил священник.

– В чём меня обвиняют?

– А ты будто не знаешь? – монах удивлённо поднял брови. Но через мгновение изумление сменилось злобным оскалом. – Твой волк, чернокнижник! Только за прошлую седмицу он убил шестерых. Или ты запомнил? Я помогу тебе вспомнить!

Монах кивнул, и истязатель, обмотав руку грязной тряпкой, вытащил из углей, теплившихся в старом растрескавшемся очаге, раскалённый добела прут.

– Будешь говорить? – служитель церкви улыбнулся, видя, как лицо пленника покрывается холодным потом. Палач поднёс железо к лицу Янки, с удовольствием наблюдая, как по телу узника пробежала судорога. Он попытался вырваться из оков, но кузнецы хорошо знали своё дело.

И Янка вспомнил...

Вызванное пытками помутнение памяти сменилось картинкам недавнего прошлого – разъярённые лица обезумевших крестьян, ворвавшихся в землянку; короткая схватка, в конце которой селяне подняли волка на вилы; костёр из книг. И чувство безысходности, помноженное на горечь потери единственного друга...

Это уже потом крестьяне связали Янку и потащили к князю Воину, дабы свершился суд над подозреваемым в колдовстве. Суд был недолгим – полоцкий князь, принявший после крещения имя Василий, приказал кинуть язычника в темницу, чтобы заплечных дел мастера вытянули из Янки столь нужное правителю признание. Князь не любил, когда кто-то другой убивал его подданных.

Картинки были настолько яркими, что пленник заскрежетал зубами. Всё сгорело – «Стоглав», «Громовник», «Аристотелевы врата», «Зодчий», «Каледник»... Мудрость предков сгнула в жарких объятиях пламени, не ведающего жа-

лости ни к бересте, ни к людям.

Никто не хотел ничего слушать. Люди были глухи и слепы и не видели очевидного. Фенрир освободился от запретов, наложенных на него богами, и стал убивать. Волшба светлых альвов оказалась бессильной против всепоглощающей силы неупорядоченного. Предначертанное сбывалось – близился Рагнарёк. Только Янка знал правду и кричал о ней, куда кто-то из крестьян не заткнул ему рот грязной тряпкой.

Правда была страшной – волк Небытия вырвался на свободу, и вскоре обычный мир должен был стать полем смертельной битвы между Добром и Злом, и будущее не было предопределено. Всё начиналось с начала – Живое и Неживое вновь, как много миллионов лет назад, встали друг против друга, чтобы оружием доказать свою правоту.

Янку пытали, вытягивали душу раскалённым железом. Пленник то кричал, то проваливался в спасительное, но недолгое забвение – палач выливал на него ушат холодной воды, приводя узника в чувство. Признайся... Признайся... **ПРИЗНАЙСЯ!**

Белое от нестерпимого жара железо медленно приближалось к глазам. Янка попытался отстраниться, но мучитель крепко держал его за подбородок. И узник сдался.

– Спрашивай...

– Вот и хорошо, чернокнижник. Начнём по порядку, коли не возражаешь... – монах удовлетворенно улыбнулся, однако убрать железо подальше не приказал. – Твой волк?

– Я уже говорил, я подобрал волчонка ещё маленьким. Деревенские собаки хотели его разорвать, а я его отбил, выкормил, и он стал мне другом...

– Вот как? Странная получается дружба. Впрочем, чего ждать от колдуна. Слуги Дьявола часто сходятся с богомерзкими тварями... Значит, ты признаёшь, что волк твой?

Янка кивнул.

– Вот и славно! – монах довольно потёр руки. Наконец что-то определённое. Палач отодвинул железный прут и снова сунул его в огонь, давая понять, что пытка не закончена и всё зависит от самого Янки, вернее от его слов.

Монах закусил нижнюю губу, поиграл цепочкой золотого креста, обдумывая следующий вопрос.

– Волк мой, но он никогда не нападал на людей, – опередил его узник.

– Вот как? – притворно удивился монах. – Тогда как ты объяснишь, что крестьяне, посланные на поиски пропавших, нашли в логове жившей у тебя твари обглоданные человеческие кости? Молчишь? Ты можешь упираться и дальше, но всё свидетельствует против тебя, чернокнижник. Люди видели, как твой волк рыскал по лесу. Для чего?

– Волк невиновен! – упрямо повторил Янка, стараясь не обращать внимания на боль, раздирающую всё тело.

Монах предостерегающе поднял руку. Палач встрепенулся и потянулся к клещам, собираясь подцепить успевший накалиться прут.

– Сейчас тебе нужно думать не о волке, а о самом себе. Ещё не поздно спасти свою душу, ибо муки физические ничто в сравнении с терзаниями душевными. Покайся!

– Ты не прав, монах. Между душой и телом нет разрыва. Пускай они и в сущности различны, но все же едины, и тело есть выражение души, необходимая составляющая Гармонии, ибо внутреннее и внешнее – суть проявление Единого. Развивая тело, мы развиваем душу...

– Чур меня! – монах несколько раз перекрестился и поцеловал крест. – Не смей говорить так, мерзкое порождение Ехидны! Тело есть грязное обиталище души, и задача человека – вырваться из оков брэнной плоти, дабы возвыситься и обрести спасение.

– Спасение – это обман, – печально улыбнулся Янка. – Жалкая химера большого разума, которой прикрываются те, кто подвержен страху. Тобой движет страх, христианин. Страх перед лицом твоего Бога. Задумайся, кто ты для него? Всего лишь раб, безликая тварь. И твоему Богу нет до тебя никакого дела. Что может связывать господина и раба? Только вера последнего в божественность Хозяина. Вы, христиане, считаете себя рабами одного из множества богов, вдруг посчитавшего себя изначальным. А этот Бог не имеет никакого права называться единственным, ибо он только часть целого, одна из граней Истины. Ты молишься на коленях, а я твёрдо стою на ногах, со взглядом, устремлённым в небо, и с руками, простёртыми вверх. Твоя вера лишена разума. Раз-

ве ты не понимаешь, что сущность человека не нуждается в посредниках, ибо они лишь извращают Истину, стремятся к духовному господству над людьми в своих корыстных целях?

– Замолчи, язычник! – вскипел монах.

– Твоя вера лжива и субъективна. Вера ради веры. Тот, кто верит только сердцем, никогда не войдёт в чертоги Истины. Эта дорога доступна лишь разуму. Наш мир – вечный порядок, в котором своё место, своё время и своё предназначение имеют и боги, и люди.

– Палач, заткни ему рот! – закричал монах, закрыв уши руками. Дитина выхватил из углей металлический прут и с садистской ухмылкой прижал его к телу пленника. Взвился лёгкий дымок, поплыл тошнотворный запах палёной плоти. Захлебнувшись криком, Янка потерял сознание...

\* \* \*

Пленник медленно открыл глаза, уплывающим взглядом упёрся в закопчённый потолок. Над Янкой склонились расплывчатые, кажущиеся огромными фигуры – палач, монах и толстяк в расшитом серебряной нитью кафтане. Они о чём-то переговаривались между собой, но нить разговора ускользала, терялась в лабиринте боли.

– Живой? – пробубнил толстяк, внимательно глядя на пленника.

– Живой... чего ему сделается! – голос был незнакомым.

Похоже, говорил палач.

– У-у, ироды, едва не замордовали человека! – гневно процедил обладатель серебряного кафтана.

– Какой же это человек? Это колдун! – попытался возразить монах. Заметив, что Янка очнулся, проговорил: – Радуйся, чернокнижник. Князь прощает тебя. Гонец принёс вести – волк загрыз ещё двоих. Так что милостью Господа нашего Иисуса Христа ты свободен.

Смысл сказанного не сразу дошёл до воспалённого разума. Узник попробовал пошевелить пальцами и вдруг понял, что лежит на полу. Без оков. Смертный холод врат Нифльхейма, уже маячивших перед глазами Янки, сменило чувство пьянящей радости – он свободен!

– Напоите его, – приказал толстяк, – перевяжите раны и вообще приведите в божеский вид. А ты, язычник, поведёшь княжеских ратников. Селяне говорят, ты хорошо знаешь лес. Последний раз волка видели на болоте.

Лекарь смазал искалеченное тело пленника дурно пахнущей мазью. Янке дали воды, переодели в чистую рубаху. Явились дружинники, которые вынесли пленника во двор и аккуратно усадили на телегу.

Солнечный свет ударил по зрачкам, заставив Янку зажмуриться, заслонить лицо ладонью. Хлынули слёзы, но теперь уже бывший пленник не стеснялся их, ибо это были слёзы воли.

Янка плакал, подставляя бледное лицо горячим лучам, на-

слаждаясь солнцем, с которым успел уже попрощаться. Рядом кто-то кашлянул. Ратник.

Княжеский дружинник назвался десятником Транятой.

– Здрав будь, человече. Ты, что ль, нам в помощь? – после утвердительного кивка Янки воин спросил: – Дорогу знаешь? Поведёшь моих людей. И смотри не балуй – зашибу!

Янка усмехнулся – что может сделать один измученный человек против десятка увешанных оружием воинов?

Ратники копошились вокруг повозки, собираясь в дорогу. Гремело железо, ржали кони, суетилась княжеская челядь. Когда всё было готово, Транята залихватски свистнул, и отряд двинулся в путь.

Ехали долго, не останавливаясь. Десятник гнал воинов, чтобы добраться до болота до наступления темноты.

Янка привалился к жердям повозки, голова безвольно качалась в такт прыгающим по ухабам колесам. Боль отступила, но началась горячка. Бывший пленник то погружался в пучину беспамятства, то выныривал в реальность. Они всё-таки ему поверили. Глупый монах, раздувшийся от самодовольства; полоцкий князь, презревший собственный народ ради злата; крестьяне, не внявшие словам Янки. Но странно, в душе у него не было злости – лишь горькое разочарование в людях. Они так и не поняли, ЧТО противостоит людям. Фенрир, злобное порождение Локи и великанши Ангрбоде, не станет разбирать, кто перед ним – он убьёт всякого, кто выступит против Хаоса. Теперь волк станет расти с каждым

днём, набирая силы для решающей битвы.

Наступит Рагнарёк, и в конце мира люди встанут рядом с богами, чтобы противостоять Небытию, ибо человек – это часть разумного порядка Вселенной, и его предназначение в том, чтобы сражаться против всех анти-божественных сил изначального Хаоса. Мир, в котором мы живём, – это поле, на котором и растения, и животные, и люди должны расти и зреть для самоутверждения во вневременном пространстве, поле, где постоянно сражаются божественная воля к упорядочению всего живого и анти-божественная воля к разложению, к уничтожению всех зародышей. Боги не зря поставили Мидгард в центр Иггдрасиля, превратив Серединный мир в совокупность разумного взаимодействия всех божественных законов и всей человеческой чести. Мидгард обновляется и сохраняется только благодаря отважной борьбе человека на стороне Гармонии. Ведь людское «Я» имеет божественный характер и является частью сакрального. Каждое «Я» бессмертно и вечно. Человек – не тупое двуногое создание, цель жизни которого – слепое удовлетворение собственных потребностей, он прежде всего помощник и соратник богов. Лишь тот достоин зваться человеком, кто рядом с богами сохраняет вселенскую Гармонию, не даёт Хаосу уничтожить мироздание...

Смеркалось. Транята остановил отряд.

– Дальше не пойдём. Заночуем здесь!

Воины стали распрягать коней и вытаскивать из телеги

нехитрый скарб. Запылал огонь. Нарубив еловых веток, ратники расположились вокруг костра, протягивая к пламени заочневшие руки.

\* \* \*

Фенрир напал внезапно.

Огромный, ростом с человека чёрный волк появился из сгущающегося тумана и кинулся на людей. Ратники не ожидали нападения, и это стоило жизни двум воинам, мгновенно растерзанным тварью. Их мёртвые тела ещё не успели опуститься на траву, а Фенрир уже был готов к новой атаке. Исходя слюной, волк злобно зарычал, оскалив два ряда острых, словно клинки, зубов.

– Тревога! – запоздало закричал Гранята, вытаскивая меч. Ратники бросились врассыпную.

Фенрир не стал медлить – огромная туша бросилась на ближайшего дружинника. Мгновение – и воин пал, схватившись руками за разорванный живот.

Горячечный бред сменился страхом. Но Янка, совладав с ужасом, перевалился через край повозки, прихватив арбалет со связкой коротких стрел. Упав на землю, застонал от боли, но нашёл силы перекатиться под телегу, стараясь не рассыпать стрелы. Где-то совсем близко зашёлся в крике очередной княжеский ратник.

Бывший княжеский пленник натянул тетиву и вставил

стрелу в исцарапанный многократным применением желобок. Норны заплели нить судьбы в узел, предоставив язычнику шанс сразиться с неупорядоченным, помериться силами с живым воплощением Хаоса, дабы делом доказать, что Янка заслуживает гордого звания «человек». Волк метался среди ратников. Падали разорванные мощными клыками тела. Крики, стоны умирающих, команды Траняты – всё слилось в одну протяжную какофонию.

Забыв о боли, Янка прицелился и плавно отпустил скобу. Звонко пропела тетива. Стрела сорвалась с арбалета. Прочертила прямую линию, направленную в сердце порождения Нифльхейма. ДУМ! Стрела ударила в тело волка, но, к удивлению Янки, не остановила зверя. Лишь гулкий металлический звон разнесся над лесом, словно меч ударил по крепкому шлему.

– Что за... – прошептал Янка, не веря собственным глазам. Ведь до Фенрира было не больше семи шагов.

Янка едва не взвыл от досады. Яркой вспышкой проснулась забытая боль. Руки дрожали, стрела никак не ложилась в желобок, норовя выскользнуть. Янка чертыхался, расширенными от ужаса глазами взирая на то, как Фенрир расправляется с отрядом.

Пару раз воинам удалось выстрелить из арбалетов. Однако металлические стрелы, способные с пятидесяти шагов пробить доспехи тяжеловооружённого рыцаря, отлетали от шкуры волка, словно тот был заговорённым.

Янка, наконец, справился с предательской дрожью. Поднял арбалет и навёл на Фенрира, едва поспевая за стремительными движениями четвероногой бестии. На этот раз он прицелился в горящий адским рубиновым огнём глаз твари. Задержав дыхание, утопил скобу. Стукнул металл. Тетива резво распрямилась. Но вместо кровавых ошметков Янка увидел лишь разлетающиеся стеклянные брызги.

Фенрир на мгновение потерял ориентацию, а затем отпрянул в сторону, уходя с линии огня. Глазница волка зияла чёрной пустотой. Звериный рык пробудил бы и мёртвого.

Трое оставшихся в живых ратников кинулись на застывшего врага. Фенрир, готовясь к прыжку, присел на задние лапы. Сжатые мощной пружиной конечности волка резко распрямилась, и зверь мощным броском кинулся на людей. Упал первый воин. Хрустнул позвоночник второго...

Десятник с перекошенным от ярости лицом бросился на Фенрира. Удар... и закалённый меч Траняты переломился пополам. Волк взвыл и сильным толчком отбросил княжеского дружинника на несколько метров.

Казалось, кровавому кошмару не будет конца.

Бывший княжеский пленник опустил арбалет – не было сил держать, да и бесполезно – вёе равно до стрел не дотянуться. Теперь он остался один на один со смертельным врагом.

Фенрир заметил Янку и неспешно, словно чувствуя ужас человека, двинулся в его сторону. Казалось, единственный

глаз пылает лютой ненавистью. Шаг. Второй...

Человек не мог пошевелиться. Ноги словно приросли к земле. А в это время пришедший в себя Транята схватил секиру и с рёвом кинулся на Фенрира. Топор, описав круг, вонзился в тело волка. ДУМ! Чудовищный гул повторился. В оставленной секирой дыре блеснул металл...

Фенрир оскалив пасть, развернулся на месте.

– Умри, демон! – десятник снова поднял секиру, но ударить не успел – длинные когти разорвали кольчугу. Транята выронил оружие и схватился за грудь. Боли десятник не почувствовал – только удивление. Оно застыло в глазах ратника. Несколько мгновений десятник сохранял равновесие, затем стал заваливаться на бок.

Янка вскочил и бросился бежать.

Болото приняло беглеца неласково. Ветки увязших в топи деревьев больно хлестали по лицу, цеплялись за одежду, старались задержать. Ноги проваливались в трясину, несколько раз Янка падал, но находил силы подняться.

Металлический лязг за спиной не смолкал – Фенрир нагонял беглеца.

Повязки давно сползли и только мешали, Янка сорвал их. Открывшиеся раны кровоточили. Силы таяли, но страх кидал безвольное тело вперёд, заставляя передвигать немеющие от усталости ноги.

Болото засасывало с каждым шагом. Сначала по щиколотку, потом – по колено. Когда трясина дошла до середины бед-

ра, бежать стало невозможно. Но человек не сдавался, упорно двигаясь к самому сердцу болота, туда, где трясина могла выдержать вес человеческого тела и где ненадёжная подстилка гати наверняка проглотит волка.

Помогая себе руками, с трудом вытаскивая ноги, Янка всё дальше забирался в топкую ловушку. Трясина тянула, не отпускала.

Неожиданно металлический шум смолк – волк остановился, накрепко увязнув в грязи.

Остановился и Янка. Тяжело дыша, обернулся на Фенрира, безуспешно пытавшегося выбраться из топкого капкана. Волк заходился в яростном рыке, но поделаться ничего не мог. Трясина держала крепко.

Смешанный с кровью пот заливал глаза, человек утёрся рукавом грязной рубахи. И засмеялся. Теперь враг был нестрашен.

Волк кидался из стороны в сторону, пытаясь освободить увязшие в тине конечности. Рёв Фенрира накладывался на лязг металла. По телу волка заплясали голубоватые искры. Их сменили бледные сполохи молний.

Янка перестал смеяться, удивлённо глядя на Фенрира. С волком происходило что-то странное – он полыхал разноцветными огнями, клыками рвал на себе шкуру, словно хотел добраться до сердца, бьющегося в могучей грудной клетке. Грязные клоки свалявшейся шерсти летели в разные стороны. Янка застыл в изумлении – вместо окровавленных

внутренностей, вместо мышц и жил он увидел странные гибкие шнуры, которые сверху донизу опутывали тело волка. Диковинные цилиндры разной величины беспрерывно двигались туда-сюда, рождая гнусный металлический лязг. И тут появились ОНИ.

Ослепительная вспышка, и человека и волка разделил круг мягкого зеленоватого сияния. Круг расширялся, меняя цвет с зелёного на синий, постепенно становясь прозрачным. Это были врата.

Из врат появились четыре светловолосых бога в коротких рубахах, покрытых пятнами зелёного и жёлтого цвета. Таковыми же пёстрыми были ноговицы пришельцев, заправленные в кожаные сапоги, которые перехватывали толстые шнуры. В руках боги держали длинные трубки из непонятного металла с дугой и рукоятью со спусковой скобой на конце. Оружие? Но ни стрел, ни чего-то другого Янка разглядеть не смог.

Один из пришельцев достал из-за пазухи чёрную коробочку и нажал на неё. Послышался писк, и диковина ожила, наполнив воздух треском предгрозового неба.

– База, ответьте Тору! Приём!

Бывший княжеский пленник, позабыв обо всем – о боли, о волке, о своём долге, удивленно слушал звонкий голос пришельца, произносившего в волшебную шкатулку непонятные слова.

– Оператор, как меня слышите? Приём! Мы на месте. Да, нашли. Опасности нет. ЧЕЛОВЕК вывел Фенри-ра из строя,

как и надеялся штаб. Один оказался прав – использование людского материала против боевых систем противника полностью себя оправдало. Локи просчитался.

Коробочка рыкнула что-то невразумительное. Тор перекинул оружие за спину и, глядя на готового рухнуть в мутную жижу Янку, проговорил:

– База! У нас «груз 300» – прошу срочной эвакуации.

\* \* \*

Ядерный реактор, обессиленный неравной борьбой с топью, всё глубже затягивавшей кибернетический организм, начал перегреваться, рискуя взорваться в любой момент. Центральный процессор напрасно искал каналы связи между отдельными уровнями многослойного мозга. Повреждённые ударом секиры сервоприводы жалобно стонали, не в силах вытащить монстра из грязи. Хромированный металлический скелет, гидравлические поршни и эластичные сочленения заляпала грязь. Фенрир умирал...

Взгляд механического волка по-прежнему был устремлен туда, где только что закрылся портал меж-пространственного перехода, поглотивший врагов и человека. Но хранители Гармонии просчитались.

**ПЕРЕЗАГРУЗКА.**

Прошло несколько секунд, и включилась дублирующая система. Внутренний резерв автоматического убийцы, рассчитанный на работу в аварийном режиме, пришёл в действие. Фенрир ожил и медленно попятился к лесу.

Война продолжалась...

# Обманутые надежды

Летающая тарелка зависла над городком. Покачавшись в горячем июльском воздухе, мягко спланировала вниз. Выпустила мощные опоры, причалила. Солнечные блики весело заиграли на поверхности космического аппарата, отбрасывая на лица прохожих диковинные отблески. А горожане спешили по своим делам, суетились, переругиваясь на автобусных остановках, и не обращали внимания на приземлившихся инопланетян.

Глядя в большое зеркало, досточтимый Алгрр одёрнул парадный мундир, подмигнул своему изображению, настраиваясь на мажорный лад. Улыбнулся. Настроение было приподнятым. В кои-то веки в космосе обнаружена населённая планета. И где? На самой окраине Вселенной, куда даже патрульные корабли заходят редко. Это было настоящей удачей, которая выпадает раз в несколько миллионов лет. Звякнула россыпь наград на мундире, словно подтверждая мысли звездолётчика.

Похлопав себя по карманам – не забыл ли тезисы приветственной речи, досточтимый Алгрр решительно направился к трапу, волоча по металлической обивке пола длинный зелёный хвост. Пройдя ярко освещённым коридором, остановился у запертого люка. Набрал код доступа. Врата отворились.

Посланник звёзд медленно спустился по трапу. Глубоко вдохнул, глянул на солнце. Новая планета ему определённо нравилась. Она напоминала Алргг – то же небо, те же деревья, даже воздух казался родным, домашним.

Звездолётчика переполняли чувства. Контакт! Как долго они ждали встречи с братьями по разуму. Сколько истрчено сил и средств. Со времени последнего контакта с разумными существами прошло больше миллиона лет, и звёздное содружество уже успело забыть всю радость знакомства с неведомым. А теперь? Подумать только – к Союзу космических рас присоединится новая жизненная форма со своей системой ценностей, оригинальным миропониманием и накопленным багажом знаний!

Досточтимому Алгрру хотелось пуститься в пляс, но он сдерживался. Сановному чиновнику не подобает скакать, словно балерине. Верховный правитель Содружества вряд ли одобрит подобное легкомыслие.

К удивлению звездолётчика его никто не встречал. Ни делегации официальных лиц, ни толп любопытных аборигенов. Никого.

«Странно, – подумал досточтимый Алгрр, нервно подёргивая кончиком хвоста. – А ведь аналитики говорили, что новая раса готова к контакту...» Он удивлённо огляделся по сторонам. Какие-то каменные постройки (неужели в этом живут?) симметричными прямоугольниками обступали со всех сторон место посадки космического корабля. Уходи-

ли вдаль ровные улицы. Изредка проносились транспортные средства, однако управляющих ими роботов досточтимый Алгрр рассмотреть не мог. Посреди просторной площади высился истукан.

Звездолётчик удивлённо уставился на каменную фигуру в разводах птичьего помёта. В одной руке колосс сжимал нечто непонятной формы и назначения, а второй показывал куда-то вдаль. Досточтимый Алгрр невольно посмотрел в указанном направлении, но ничего, кроме очередной каменной коробки, увенчанной металлическими перекрестиями, не увидел.

Посланник пожал плечами. О вкусах не спорят. Если абorigенам нравится жить в подобных постройках и любоваться на кусок загаженного камня, это их право. У досточтимого Алгрра есть дела поважнее.

Звездолётчик смахнул с мундира невидимую соринку и направился к аляповатому зданию, возле которого суетились двое туземцев. На стене дома топорщилась огромная вывеска: «ВИНО-ВОДОЧНЫЙ МАГАЗИН». Досточтимый Алгрр сверился с карманным анализатором, но прибор молчал. Смысл данной фразы был ему неизвестен.

Подойдя к абorigенам вплотную, досточтимый Алгрр сказал:

– Здравствуйте, господа. Рад приветствовать вас от лица звёздной системы Арглл. Я пришёл с миром.

Начало было торжественным и величавым. Досточтимый

Алгрр даже взмок от волнения и важности момента.

Реакция оказалась неожиданной. Один из аборигенов, который, запрокинув голову, наблюдал за звёздами при помощи некоего стеклянного прибора, вдруг поперхнулся. Из рта у него полилась странная, мерзко пахнущая жидкость.

– Слышь, Колян. По ходу у меня глюки. Говорящая ящерка... – произнёс он, тарашась на посланника Звёздного Содружества.

– Ага. И у меня, похоже, тоже, – отозвался второй.

Досточтимый Алгрр, помня наставления психологов, дружелюбно улыбнулся.

Туземцы, увидав два ряда ровных острых зубов, резво отскочили в сторону.

– Мать моя женщина... Допились. Колян, надо завязывать, а то уже ящерики с медалями мерещатся.

Второй абориген кивнул.

– Господа, позвольте внести ясность, – тихо, как того требовали правила этикета, промолвил досточтимый Алгрр. – Я не ящерка, как вы изволили выразиться. Я представитель рода Агрлл, берущего своё начало в глубине веков.

На этот раз братья по разуму отреагировали менее болезненно. Подхватив свои телескопы (ещё несколько штук стояли на земле) туземцы опасливо приблизились к посланнику. Даже потыкали грязными пальцами в белоснежный мундир. Досточтимый Алгрр не противился, хотя мундира было жалко.

– Не-а, Колян, это не глюки. Натуральная ящерка, я те базарю. Тока в штанах и с побрякушками.

– Угу, – неопределённо промычал второй и снова приник к своему прибору. Долго стоял, задрав голову и издавая непонятные для тонкого слуха досточтимого Алгрра звуки. «Итак, начнём сначала», – решил досточтимый Алгрр – Приветствую вас, братья по разуму! Вы меня понимаете?

– Чево орёшь, мутант недоделанный? Чай не глухие. Чё за базар?

Анализатор не справлялся, о значении некоторых фраз приходилось только догадываться.

– Я прилетел с далёких звёзд, чтобы принести вам Знание, приобщить к вселенской Гармонии, – важно заговорил досточтимый Алгрр. – Братья, вам выпал великий шанс присоединиться к огромной семье разумных рас, прикоснуться к тайнам мироздания, почувствовать себя настоящими членами Звёздного Содружества.

– Во заливает, – крякнул абориген. Приложился к телескопу и долго не отрывался.

Когда процедура наблюдения была закончена, досточтимый Алгрр продолжил знакомить туземцев с краткой историей Вселенной. Он говорил, с трудом преодолевая волнение, преисполнившись гордости от сознания того, что ему выпала великая честь приобщения новой расы к тайнам Вселенной.

Аборигены слушали внимательно, время от времени при-

кладываясь к телескопам. Потом (вот странно!) достали какие-то палочки, сунули их в рот и начали выпускать из носа белые облачка.

Поражённый увиденным, досточтимый Алгрр на мгновение умолк. Затем, взяв себя в руки, продолжил.

Когда он, наконец, умолк, неофиты стали о чём-то оживлённо беседовать. Досточтимый Алгрр тактично отошёл в сторону, чтобы не мешать разговору. В своё время он и сам был не меньше потрясён, когда ему открыли глаза на Вселенную, позволили повернуть ключ в дверях, за которыми скрываются тайны мироздания.

До слуха посланника доносились отдельные фразы аборигенов.

– Слышь, Колян. Давай возьмём ещё по одной... скока у тебя... и у меня ещё триста пятьдесят... твою мать, не хватает... а если у ящерики?..

Наконец туземцы повернулись к досточтимому Алгрру.

– Слышь, зелёный. Долгани пару тысяч. С полочки отдадим.

Звездолётчик запросил анализатор. В ходу у местных были примитивные средства оплаты, какие-то металлические кружочки и бумажные прямоугольники. Досточтимый Алгрр задал прибору команду, и спустя несколько секунд у него в руке появились новенькие купюры.

– Этого хватит?

Туземцы восхищённо закивали. Один из них несмело

приблизился к досточтимому Алгрру, взял протянутые бумажки, и тотчас исчез, словно его сдуло минтойским ураганом. Материализовался он так же внезапно, причём в руках у него оказалось несколько телескопов.

– Если позволите, я продолжу, – досточтимый Алгрр слегка поклонился и, стараясь не оперировать слишком сложными для восприятия новой расы терминами, закончил своё повествование.

Аборигены слушали невнимательно, предпочитая смотреть в небо. Достопочтимый Алгрр даже позавидовал такой увлечённости астрономией.

Между тем слушатели снова вытащили свои диковинные палочки. Руки аборигенов заметно дрожали. От волнения, решил досточтимый Алгрр.

Прошло ещё несколько минут, теперь аборигены уже не справлялись с охватившим их волнением. Они качались, пинали ногами телескопы, норовили угостить посланника палочкой, которую называли «сигарета». Досточтимый Алгрр скромно отказался.

– Так каков будет вердикт? – в конце концов поинтересовался звездолётчик.

– Зелёный, чё ты нам паришь? Какое, на хрен, небытие? Какие в жопу звёзды? Посмотри вокруг – кому нужно твоё бытие? Питание – это да... а то звёзды. Тьфу. Давай лучше хряпнем по сотке, – абориген нетвёрдой рукой схватился за телескоп. – Будешь?

Глаза досточтимого Алгрра широко раскрылись от удивления. Ни одна из космических рас, получив возможность приобщиться к Гармонии, не отказывалась от такого шанса, ведь второго раза могло и не быть. А тут...

– Зелёный, зачем тебе это небо? Рождённый ползать летать не может. Давай, хряпни. А то уж на тебе и рожи-то нету, – перед глазами посланника возник один из телескопов. Досточтимый Алгрр поморщился. Что за дрянь туземцы используют в качестве реактива? Воняло так, что прошибало на слёзы.

И тут досточтимого Алгрра осенила догадка: это не телескопы, а сосуды для хранения яда!

– Благодарю вас, господа, но вынужден отказаться от вашего любезного приглашения, – дыша через рот, проговорил посланник. Ну и запах! Как бы не стошнило.

Вот будет конфуз! На всю Веселенную – ЧЁ??? Не понял... – абориген набычился, двинулся на досточтимого Алгрра. – Не хочешь пить? А может, ты нас не уважаешь? Чё молчишь? Аль сказать пацанам нечего?

Досточтимый Алгрр попятился. Аборигены наступали.

– Слышь ты, фраерок. Отказываешься пить с правильными пацанами?

Дальнейшее посланник древнего рода Агрлл, досточтимый Алгрр помнил с трудом. Вот аборигены кидаются к нему, сбивают с ног. Звенят медали. Трещит по швам парадный мундир. И нестерпимая боль в хвосте...

Очнулся достопочтимый Алгрр уже на борту звездолёта под тихое жужжание автодока.

\* \* \*

Из отчёта посланца Звёздного Содружества досточтимого Алгрра:

«С прискорбием должен сообщить Верховному правителю, что разумной жизни на планете Земля не обнаружено...»

# Исповедь астронавта

Руслан Гаврилюк, двадцати лет отроду, не спеша поднялся на третий этаж старого, знавшего лучшие времена панельного дома. Вставил ключ в замочную скважину. Два оборота, и дверь, обитая коричневым, ссохшимся от прожитых лет дерматином, отворилась, приглашая внутрь.

Руслан вошёл, кинул рюкзак на тумбочку, заваленную всяким хламом, стянул куртку, снял ботинки и аккуратно пристроил их в углу, между старыми валенками и стоптанными сапогами.

– Дед, это я! – громко предупредил Руслан, на мгновение замерев у дверей, ведущих в комнату старика. Всякий раз перед тем как войти внутрь Руслан медлил, испытывая странный, суеверный страх. Пугала сама мысль, что на этот раз он не найдёт старика живым, не сможет поговорить с бывшим астронавтом, послушать байки о бесшабашной, наполненной романтикой и удивительными приключениями юности. И о Космосе.

Старик был необычным собеседником. Начиная говорить об одном, сразу сбивался на другое, перескакивал с темы на тему. Но как только разговор касался звёзд, дед становился предельно собранным и до занудства рациональным. Он мог забыть, что ел на завтрак, но точные координаты любой планеты и её характеристики выдавал со скоростью компьюте-

ра. И никогда не ошибался. Сначала это раздражало, но потом Руслан привык, привязался к деду, и теперь уже не мог представить своей жизни без него. Именно дед привил ему любовь к звёздам, к тайнам мироздания.

Многие считали деда забавным, но склочным пенсионером. К таким относились и родители Руслана, свалившие на молодого человека общение со стариком. Сами они, хоть и жили в двух кварталах от его дома, в квартире бывшего астронавта появлялись редко. А Руслан захаживал к деду едва ли не каждый день, предпочитая бесцельному времяпрепровождению с ровесниками беседы о сущности мироздания.

Едва Руслан приоткрыл дверь в дедову комнату, в носшибануло кислым духом, который обычно стоит там, где живут одинокие, всеми покинутые старики.

Отогнав мрачные мысли, Руслан решительно вошёл в комнату.

– Здравствуй, дед! – Из угла, где стояла кровать бывшего астронавта, послышалось кряхтение и скрип пружин.

– Здоровей видали! – отозвался старик, отворачиваясь к стене. Затем, поразмыслив, обратил свой взгляд на гостя. – Чего припёрся? – осведомился он скрипучим голосом. Как будто не он сам звонил Руслану и просил зайти.

– Ты же мне звонил, – сказал Руслан, подходя к кровати.

– Ещё чего? С какой это радости?

– Не знаю... – признался Руслан, опускаясь на тяжёлый дубовый табурет у изголовья кровати.

Старик несколько минут изучал гостя тяжёлым взглядом. Вскоре в глазах появилось узнавание. Бывший астронавт расслабился. Даже попытался улыбнуться.

– Я уж думал, не дождусь тебя, – сказал он. – Нездоровится мне что-то.

– Может, «скорую» вызвать? – Руслан шарил в карманах в поисках мобильного телефона.

Старик покачал головой.

– От смерти «скорая» не спасёт... – философски изрёк он. – А старуха с косою уже близко...

– Ну что ты такое говоришь, дед? Тебе ещё жить да жить, – возразил Руслан. – Ты ещё нас всех переживёшь.

– Не говори глупостей, внучок. Я своё отжил... – старик закрыл глаза.

Повисла пауза. Руслан смотрел на бывшего астронавта и пытался угадать, какие мысли его терзают. Старик сам никогда никому не звонил. Особенно в последние годы. Руслан понимал, что старик умирает, но всё естество молодого человека противилось этому, загоняло мысли о смерти в самые тёмные закоулки сознания.

Помолчав, старик тихо произнёс:

– Моё время истекает...

– Дед, ну не говори так... – попросил Руслан, холодея от неприятного предчувствия. Ему казалось, что он слышит, как капля за каплей истекает время, о котором говорил дед.

– Мы все когда-нибудь умрём. Кто раньше, кто позже. Но

я позвал тебя не за тем. Я должен кое-что тебе рассказать.

Руслан вопросительно посмотрел на деда. Тот лишь печально улыбнулся в ответ.

– Решил, значит, перед смертью исповедоваться, излить душу, ибо чувствую, не примет меня с этой тайной мать-земля. А ближе тебя у меня никого нет. И не возражай. Твои родители слишком заняты, чтобы навещать меня. Я всё понимаю – кому нужна такая старая развалина, как я? Но ты другой, не такой как все. В твоей душе ещё нет плесени равнодушия, разъедающего современный мир. И поэтому я позвал тебя, чтобы поделиться секретом, который храню уже не один десяток лет... – старик тяжело вздохнул. – Тайна сия велика. И знающий её не от мира сего...

Дед за последнее время сильно сдал и уже не походил на того бравого вояку, который смотрел на Руслана с множества фотографий, висевших на стене. Вот дед с министром обороны, вот – в космическом центре, вот – с покойной бабушкой, дочерью известного астронавта. Дальше – фотки молодого деда. Тьфу ты... деда в молодости. Лица, лица, лица... Сколько друзей было, а теперь никого не осталось. Никому он не нужен. Даже собственным детям.

Печальные размышления Руслана прервал надсадный кашель старика. Руслан вскочил и рванул на кухню. Набрал воды. Дал деду напиться.

– Будет... – дед оттолкнул кружку, откинулся на подушку. – Да, заждалась меня старуха... Потерпи, костлявая, ско-

ро я буду твой.

– Дед, ты что-то говорил про тайну, – напомнил Руслан.

– Да. Ты ведь помнишь экспедицию «Фрейи»?

Руслан кивнул. Конечно, помнит. Все газеты трубили: «принципиально новая конструкция межпланетного корабля», «выход за пределы Солнечной системы», «поиск пригодных для колонизации планет», «обширная исследовательская программа». Для своего времени это было решительным, если не сказать эпохальным, шагом в будущее. Правда, полёт «Фрейи» влетел в копеечку – для финансирования проекта понадобились совместные усилия едва ли не всех государств Земли. Но результаты превзошли все ожидания – несмотря на то, что новые терраподобные планеты так и не были обнаружены, экспедиция увенчалась полным успехом – полученных данных с лихвой хватило на то, чтобы земная наука значительно продвинулась вперёд.

Дед был командиром «Фрейи». После полёта он стал Героем, был обласкан государством, а его портреты долгое время не сходили с первых полос центральных газет. Это теперь старик позабыт-позаброшен, а сорок лет назад его имя знал каждый школьник.

– Тайна, о которой я хочу тебе поведать, – продолжил бывший астронавт, – напрямую связана с тем полётом.

Руслан устроился поудобнее и приготовился слушать.

– «Фрейя» была исследовательским звездолётом. Основной задачей экипажа было изучение районов, прилегающих

к Солнечной системе. Стартовали мы удачно, точно по графику. Затем одна за другой посыпались проблемы. То вдруг отказывали жизненно важные системы, то выходили из строя казавшиеся надёжными приборы. Складывалось впечатление, что какая-то неведомая сила сознательно не пускает нас дальше. «Фрейя» капризничала, не хотела повиноваться приказам. И чем дальше от Земли, тем всё больше неполадок возникало в звездолёте. Команда нервничала, и я, признаюсь тебе честно, подумывал о том, чтобы вернуться. Но приказ командования был однозначен – во что бы то не стало добраться до назначенной точки и провести серию исследований. Отступать было некуда. Извечное стремление к полёту, к изучению нового, к постижению тайны крепко сидит в человеческой крови, и отказаться от поисков нам не по силам. С глубокой древности Homo sapiens стремится понять непонятное, увидеть невидимое, узнать непознаваемое. Это – наша сущность, наше второе «Я». Вряд ли найдётся во Вселенной другое такое любознательное существо, как человек. Особенно связанный приказом. И мы упорно шли вперёд, не считаясь с потерями.

Я не щадил ни экипаж, ни «Фрейю». Изю дня в день, под оглушающий рёв двигателей, мы продвигались вглубь космоса. Команда свято верила в то, что мы действуем на благо всего человечества, что мы двигаем науку. Мы были юными, а когда ты юн, мир кажется таким понятным и доступным – протяни руку, и космос падёт к твоим ногам, откроет свои

тайны.

Дед тяжело вздохнул.

– Так вот, напряжение нарастало. Парни выбивались из сил. Хорошо, если удавалось поспать два-три часа в сутки.

Время тянулось мучительно долго. Дни складывались в недели, недели – в месяцы, месяцы в годы. Команда постепенно утрачивала боевой дух и надежду на успех. И когда надежда грозила угаснуть окончательно, произошло то, чего мы меньше всего ожидали.

Руслан вопросительно поднял брови.

– Мы как будто упёрлись во что-то, в некую невидимую стену, которая не позволяла нам двигаться дальше.

– Стену? В космосе? – ехидно переспросил Руслан.

– Не зубоскаль! – строго прикрикнул дед. – Ты и сам прекрасно знаешь, что в бесконечности никаких привычных для нас стен нет. И всё же неведомый силовой барьер вырос на пути «Фрейи», не давая звездолёту прорваться вглубь космоса. Звездолёт надрывался, тратил последние капли драгоценного топлива, но преодолеть невидимую преграду не мог. «Стена» оказалась нам не по зубам.

И тут Эрик, наш штурман, вспомнил, что в мифах древних скандинавов говорилось о чём-то подобном. По верованиям викингов, боги оградили Мидгард, мир разумных существ, для того чтобы неупорядоченные силы изначального Хаоса не могли уничтожить жизнь. Понимаешь, о чём я?

– Кажется, начинаю догадываться... – неуверенно сказал

Руслан – Получается, вы ткнулись в ту самую стену, которой боги оградили Мидгард от Зла?

– Я всегда считал тебя сообразительным мальчиком, Руслан. Рад, что не ошибся.

Молодой человек смутился.

– Викинги верили, что стена служит охранительной оградой от разрушающего начала, стремящегося уничтожить Гармонию, ввергнуть упорядоченное в первоначальный Хаос. Но преграда имела и другое предназначение. Она служила барьером на пути всякого, кто хотел раньше предначертанного срока покинуть Срединный мир, прикоснуться к сокровенным тайнам.

– Что-то я не совсем понимаю, – остановил дедовы рассуждения Руслан. – Зачем ограждать человека от проникновения за стену? Одно дело спасти от Хаоса...

– Хороший вопрос, мой мальчик, – дед крикнул. – Для преодоления силового барьера необходим высокий уровень технической, умственной и моральной подготовки. К сожалению, пока достигнутого человеческой цивилизацией уровня развития явно недостаточно. Подумай сам, к чему может привести появление в космосе существ, обладающих ядерным оружием, но по уровню восприятия жизни мало чем отличающихся от ребёнка. Но когда-нибудь мы сможем преодолеть стену, скинуть оковы ограниченности и непонимания. И тогда ограда падёт, явив человечеству тайны, скрытые плотной завесой неизвестности.

Но прежде чем лезть за барьер, человек должен преодолеть собственное невежество и эгоизм. Homo sapiens бродит в потёмках самовлюблённости и ограниченности. Мнит себя подобным богам, предпочитая обманываться вместо того, чтобы признать свою никчёмность и двигаться к Гармонии. Вспомни хотя бы Ренессанс. Людишки вдруг возомнили себя венцом творения, наивысшей разумной формой мироздания, перед которой должны пресмыкаться все иные формы жизни. Глупость, но она крепко завязла в наших мозгах. Дальше – хуже. Безумное стремление подстроить окружающий мир под себя принесло человечеству одни разочарования. Мы засрали планету, превратив цветущую некогда землю в свалку. Мы разобщены и предпочитаем не обращать внимания на беды других. Мы рвёмся в космос, не замечая того, что наши соседи умирают в нищете. Мы отваливаем на исследования Вселенной огромные деньги, а в то же время миллионы землян умирают от голода. Романтика межзвёздных путешествий, поиска братьев по разуму кружит нам голову, и мы не замечаем разумных существ, живущих рядом с нами. Чудно получается – искать разум в космосе, игнорируя его же у себя под боком...

Мы бросаем вызов пустоте первичного Хаоса, забывая о пустоте своего собственного «Я». Романтики нет и никогда не было. Есть только суровая действительность, жестокая проза бытия. И прежде чем думать о звёздах, человечеству нужно подумать о себе самом. Мы слишком далеки от При-

роды, чтобы соваться туда, где нас пока не ждут. Было бы чересчур самонадеянно утверждать, что братья по разуму примут нас с распростёртыми объятиями. Скорее наоборот. Они ринутся от нас, как от прокажённых, узрев червивую сущность человечества. Мы сверх меры жалки для того, чтобы предстать перед ликом неведомого. Сначала нужно навести порядок в собственном доме, а потом уже проситься в гости. Будь добр, подай мне воды...

Руслан поднялся с табурета и протянул деду стоявшую на тумбочке кружку.

– Спасибо, – старик жадно глотал воду, словно боялся куда-то опоздать. Кадык ходил вверх-вниз, капли стекали по подбородку, но дед не замечал их.

Руслан терпеливо ждал, когда старик заговорит вновь. Наконец он продолжил:

– Мир вокруг нас жесток и несправедлив. Мы построили мир, где нет места любви к ближнему, и было бы глупо надеяться на то, что космос ответит нам взаимностью. Только тот, кто видит в другом человеке равного себе, достоин приобщиться к тайнам мироздания, зачерпнуть волшебной воды из источника Мимира. Мы можем попытаться сломать стену, но никогда не достигнем Истины. Тайны мироздания открываются лишь тем, кто готов принять их. Разве это не справедливо?

Руслан промолчал.

– В какой-то степени стена спасла нас от гибели. Ибо по-

ведение неразумного человечества, дорвавшегося до секретов Вселенной, предсказать невозможно. Поверь мне, ничего хорошего из этого не вышло бы. Да, мы достигли определённых вершин, но этого недостаточно для приобщения к потаённому. И стена лучшее тому доказательство. Мы пока ещё не готовы принять мироздание таким, каково оно есть. Слишком тяжела может оказаться ноша.

– Так что же делать?

– Жить, учиться, совершенствоваться. И космос примет нас, признает равными. Но до этого ещё ой как далеко... Мы совершили большую ошибку, раньше времени постучавшись во врата неизвестного. И те, кто построил стену, преподали нам хороший урок. Нечего соваться туда, где тебя не ждут...

Старик сделал ещё несколько глотков.

– А тайна, дед? Ты же позвал меня не для того, чтобы поразмышлять об испорченности человечества?

Бывший астронавт усмехнулся.

– Конечно нет. Тайна в том, что полёт «Фрейи», вернее его результаты, являются грандиознейшим обманом в истории человечества. Мы ничегошеньки не знаем о мироздании. Тупо бьёмся головой в стенку, не в силах преодолеть искусственный барьер, созданный Природой или Богом. Но людям нужны результаты, а их не было. Никто и никогда не признается, что деньги налогоплательщиков, причём немалые, ушли псу под хвост. Поэтому в верхах решили, что полуправда будет лучше для всех. И появилась афера «Фрейи»...

– Так что, это всё блеф? – недоуменно спросил Руслан, обводя рукой развешанные на стенах фотографии, почётные грамоты, награды, которыми был удостоен дед.

– К сожалению, – старик потупился.

– И даже звезда Героя?

Дед кивнул. Тихо сказал:

– Все наши космические исследования – обман. Вселенная слишком сложна, а наши представления о ней ошибочны, лишены логики и здравого смысла. Всегда проще сокрушить, чем сказать правду, особенно если эта правда не укладывается в привычные рамки. Мы не готовы принять законы мироздания. Возможно, когда-нибудь это произойдёт, но пока стена сохраняет нас от поспешных шагов, от рискованных решений.

Надолго замолчали.

– И что мне делать с этой тайной? – наконец спросил Руслан.

Старик пожал плечами.

– Тебе решать. А я просто не могу уйти, не открыв тебе правды.

Бывший астронавт умолк, внимательно глядя на молодого человека.

Привычный мир Руслана трещал по швам. То, что казалось монументальным, не требующим доказательств, было повергнуто в прах. Построенный на лжи мир вызывал отвращение, презрение к людям и к самому себе. Почему прави-

тели решают за нас? Кто они такие, чтобы определять, что истинно, а что ложно? Нет ничего хуже, когда решают за тебя. Пусть выбор небогат, но это будет твой выбор. Строители стены поступили мудро – зачем принимать в свои ряды несмышлёнышей, когда можно просто дождаться, пока человечество созреет само. Генезис людского рода может длиться веками, но для тех, кто смог построить барьер, время не такая уж важная вещь. Хранители космоса оставили выбор за человеком: либо развиваться и достигнуть вселенской гармонии, либо замкнуться в своём тесном мирке, погрязнуть в самолюбовании и глупости.

– Мне жаль, что так получилось, – тяжело вздохнул дед. – Но правду, какой бы страшной она ни была, нужно принимать стойко. Вспомни: древние постоянно искали Истину. Но никто не задумывался над тем, готовы ли мы принять её. Когда же Истина стала достижимой реальностью, оказалось, что в космосе нас никто не ждёт. Сломать стену можно только знанием. Тяжело бороться с собственными привычками, въевшимися в кровь. Можно обманывать себя, уверять остальных в своей исключительности, но итог один – пока мы не созреем, в космосе нам делать нечего. Нас будут обманывать до тех пор, пока мы готовы принимать ложь. И будет ещё не одна экспедиция, но все они закончатся так же, как одиссея «Фрейи», – ничем.

Голос старика становился слабее. Было видно, что дед держится из последних сил, стараясь успеть выговориться,

скинуть с плеч тяжкий груз ответственности.

Руслан слушал, не перебивая.

– Будущее зависит от думающих людей. Только они смогут дойти до конца, принять мироздание. Ложь принимает лишь тот, кто не вкусил горечи правды. Но ложь не может быть бесконечной. Рано или поздно мы придём к Гармонии. Нужно только верить...

Старик вновь замолчал. Последние слова дались ему с трудом. Пошарив рукой по тумбочке, дед дрожащей рукой поднёс кружку к губам, отхлебнул.

Руслан смотрел на покрытое испариной лицо бывшего астронавта, ощущая себя жалким пигмеем у ног пирамиды. Как нелегко сделать выбор. Истина или ложь во спасение? Трудные поиски правды или идиотский человеческий нарциссизм?

– Руслан, у меня будет к тебе одна маленькая просьба...

– Да, дед.

– Постарайся оставаться человеком. Не верь лжи, а иди к Истине, как бы тяжела ни была дорога познания. И не вини старика, поверь, мы не могли по-другому. Наше время диктовало свои правила...

Руслан закусил губу, стараясь не выдать охватившего его волнения. Старику легко говорить. А каково ему, Руслану, вмиг потерявшему все жизненные ориентиры?

– Руслан, я умираю. И на пороге смерти хочу сказать – я рад, что у меня есть ты. Я знаю, ты не оставишь космоса даже

после того, что я тебе наговорил. Но теперь ты будешь знать, с чем придётся столкнуться. Верь только опыту, смело иди вперед, и истина, которую искали древние философы, сама упадёт в твои руки.

\* \* \*

Деда похоронили с почестями. Сам президент Земной Федерации присутствовал на погребении командира «Фрейи». Славословие лилось рекой, добавляя в бочку лжи ещё одну ложку неправды.

Руслан с успехом окончил университет, затем аспирантуру, но космосом больше не занимался, всецело сосредоточившись на исследованиях человеческой психики.

Старик ошибся.

О дедовой тайне Руслан не вспоминал, променяв поиски Истины на богатство и славу.

# Достучаться до звёзд

*Научно-исследовательская лаборатория НАСА.  
США. 14.09.2010*

Полковник Юрген Дитль, куратор проекта поиска внеземного разума, остановился у дверей лаборатории наблюдения за космосом. Он вытащил носовой платок и, в который раз за последний час, вытер пот с лица. Одёрнув мундир, он пожалел о том, что нельзя ослабить узел галстука. Лето выдалось жарким. Скорее всего, сказывались последствия глобального потепления.

Сунув смятый платок в карман, Дитль привычным движением приложил пропуск к системе сканирования. Позволив искусственному интеллекту считать сетчатку глаза, он толкнул массивную металлическую дверь.

– Добрый день, господин полковник! – дежурный наблюдатель Гарри Силверсберг поднялся со своего места и вытянулся по стойке «смирно». Вслед за парнем вскочили и остальные учёные.

Юрген кивнул и, подойдя к пульту, остановился, внимательно глядя на монитор. По огромному экрану тянулись бесконечные столбцы данных: диаграммы, графики, схемы, таблицы... Колоссальный массив результатов мониторинга космического пространства для непосвящённого показался

бы сущей бессмыслицей, однако персонал лаборатории искусно ориентировался в потоке информации, по крупице выживая из него любые сведения, касающиеся возможности существования инопланетных цивилизаций. Большие антенны были установлены высоко, над многометровым слоем земли и бетона, прикрывавшим исследовательский центр.

Благодаря этим антеннам можно было заглянуть вглубь безмерного космоса и дотянуться до самых отдалённых его точек. Мощная аппаратура, постоянно просеивая радиосигнал, внимательно следила за состоянием звёзд и вынюхивала признаки сигналов искусственного происхождения.

Для своего времени лаборатория была передовой. Миллиарды вложенных долларов говорили лучше всяких слов. К большому сожалению полковника, исследовательский центр так и не смог получить положительных результатов. Космос молчал, и это безмолвие являлось строго установленным научным фактом, который следовало принимать со всей серьёзностью. И не только принимать, но и сделать пусть и горький, но неизбежный вывод: многолетние целенаправленные поиски прямых сигналов внеземных цивилизаций или любых следов их жизнедеятельности ни к чему не привели... А если добавить к этому прискорбному факту ещё и весь комплекс прочих астрономических наблюдений, любительских и профессиональных, то получится внушительный объём информации, который просто не даёт ни одной зацепки, пусть даже и призрачной, в пользу существования

мощных технических цивилизаций за пределами Солнечной системы.

– Можете чем-нибудь порадовать меня, Силверсберг? – устало спросил Юрген, прекрасно осознавая, каким будет ответ подчинённого. В душе Дитля до последнего момента жила надежда на чудо.

– Никак нет, господин полковник, – покачал головой дежурный наблюдатель. – Ничего...

Дитль тяжело вздохнул, чувствуя, как на его плечи ложится многотонная плита разочарования и подавленности. Видимо, придётся всё же признать, что дело, которому он отдал большую часть своей жизни, оказалось пустышкой, и в Космосе нет иных разумных форм жизни. Осознавать поражение было чертовски трудно и обидно... А ведь когда-то Юрген верил в единство законов развития материи и типичность образования Солнечной системы, при которой отсутствуют существенные основания для выделения Солнца среди множества подобных ему звёзд Галактики. Юрген отчаянно надеялся, что братья по разуму всё же сыщутся. Смешно вспомнить, с каким трепетом учёные и романтики ожидали встречи с предполагаемыми обитателями Галактики, не желая даже представить, что мириады прекрасных миров Вселенной могут оказаться безжизненными и мёртвыми. Как свято верили в то, что жизнь пока ещё обращена к обитателям Земли лишь одним своим ликом – тем, что определяется способом существования белковых тел.

«А как богато фонтанировала наша фантазия, вооружённая знаниями об основных законах развития природы, – с усмешкой подумал Дитль. – Какие смелые мы создавали гипотезы и теории о внеземных формах жизни, об интеллекте представителей звёздных цивилизаций. Любыми способами мы старались приподнять завесу, скрывающую чудеса и тайны Космоса. Самые отчаянные головы даже пытались смоделировать предстоящий контакт с инопланетянами... Но ни одна из фантазий так и не сбылась... Люди оказались единственными разумными существами во всей Галактике. Подавшая большие надежды астробиология так и осталась прихотью чудаков и теоретическим поиском звёздных экосфер. А ведь так хотелось верить в то, что далёкие звёзды населены живыми тварями, пусть даже и иных, неведомых доселе форм...»

– Несмотря на все наши старания, – продолжал дежурный, – нам так и не удалось увидеть планетные системы даже у ближайших к нам звёзд, возможно, из-за несовершенства существующих телескопов. За всю историю наблюдений получены лишь косвенные указания на их наличие. И это несмотря на то, что во Вселенной существуют миллиарды звёзд, окружённых планетами с атмосферой и водой в жидком состоянии. Там синтезируются органические соединения, что означает эволюцию жизненных форм. Теоретически мы можем утверждать, что Космос населён множеством рас, вот только на практике доказать это мы не в силах.

Блестящее подтверждение парадокса Ферми. Ко всем прочим неприятностям добавляется ещё и то, что все использованные нами частоты – радиолиния водорода, линия водяного пара, гармоники и комбинации из основных частот с математическими константами – также не показали ни единого признака обитаемости Вселенной. Радиодиапазон оказался слишком широк, а наши возможности ограничены. Наличными средствами сканировать все звёзды в нём просто невыполнимо.

– А что говорят многозеркальные телескопы на Луне?

– Как и космические радиотелескопы – ничего, – ответил Силверсберг, беспомощно разведя руки. – Наши приёмные антенны не позволяют подслушивать «внутренние разговоры» других планет. А возможностей у нас хватает лишь на то, чтобы ловить самые мощные сигналы. Не мне говорить вам, господин Дитль, что программа поиска братьев по разуму чересчур несовершенна, а наши наблюдения за мирозданием скоротечны. Ведь даже самым близким звёздам мы уделили не более 15-ти минут внимания! Вряд ли предполагаемая высокоразвитая цивилизация именно в эти четверть часа отправит в нашу сторону мощные радиопозывные и пойдёт на то, чтобы тратить огромное количество энергии лишь для того, чтобы не расстраивать радиомолчанием своих менее развитых и нетерпеливых соседей вроде нас с вами. Мы даже не знаем, на какой частоте ждать ответа, откуда и в какое время... Тыкаемся носом в пустоту, надеясь на «авось».

И в результате мы располагаем только нашими абстрактными умозаключениями. И мне кажется, господин полковник, мы зашли в тупик...

– Согласен, – кивнул Юрген. – И как бы больно ни было это признавать, но если бы во Вселенной существовали разумные формы жизни, то мы давно встретили бы их. Где же они все? Почему молчат?.. Никогда бы не подумал, что скажу такое, однако факт остаётся фактом: все наши поиски и метания бесперспективны. Хуже того – это понимают и властимущие. Президент и Конгресс весьма недовольны разбазариваем денег налогоплательщиков. ООН вообще считает программу поиска внеземного разума опасной... Я не могу идти против начальства. Придётся закрыть лабораторию и свернуть все работы по проекту SETI. К тому же, чёртовы бюрократы!.. нам уже перекрыли и финансирование.

Собеседники замолчали.

Полковник был человеком военным, поэтому привык подчиняться приказам. Но закрытие проекта воспринял с трудом. Фактически, это означало крах всей его жизни, его устремлений и мечтаний. Когда-то Джордано Бруно пришла крамольная мысль о том, что люди – не единственные жители Вселенной. И тяга к звёздам привела мыслителя на костёр инквизиции. Однако мечта найти братьев по разуму не только не сгорела вместе с телом великого астронома, но и зажгла умы многих поколений исследователей. И пусть люди

так и не нашли ни одного подтверждения, что внеземной разум действительно существует, но Юрген не собирался сдаваться и впадать в уныние. Ведь кроме официальных способов добраться до тайн мироздания существовали ещё и приватные...

Дитль вымученно улыбнулся. Железный характер не позволял полковнику пасть перед обстоятельствами. Он помассировал виски и произнёс:

– Возможно, внеземные цивилизации начали эволюционировать гораздо позже землян и пока не могут проявить себя. К тому же радиоволновое зондирование – не такой уж удобный способ коммуникации. И совсем необязательно, что «другие» им пользуются... А может быть, эти цивилизации просто не желают вступать в контакт с кем бы то ни было, так как идут по замкнутому пути развития. Не следует забывать и то, что развитые цивилизации могут самоуничтожиться, будучи не в состоянии справиться с собственной техникой или оружием. Причин – сотни, и все они так или иначе могут объяснить молчание братьев по разуму. А ведь обнаружь мы хоть какой-нибудь признак населённости Космоса, это было бы величайшим достижением людского рода, позволяющим сделать далеко идущие выводы. Выявление разума вне нашей планеты имело бы колоссальное значение для разработки фундаментальных проблем происхождения и сущности самой жизни. Будем реалистами – нам не осталось ничего, кроме веры, что ответа на посланные сиг-

налы дождутся хотя бы наши потомки. Ведь сообщения, переданные гигантским радиотелескопом в Аресибо, уже находятся в пути к дальним шаровым звёздным скоплениям. И хотя до них радиолуч будет идти ещё многие тысячи лет, но первых «попутных» звёзд наше послание уже достигло. И если вблизи них разумные существа прослушивают радиоэфир, то получив наше чудное сообщение из единиц и нулей, они безусловно расшифруют его: «Мы живём на третьей планете, мы имеем две ноги, две руки, одну голову...» Главное для нас – верить и ждать...

– И не забывать о миссии автоматических станций... – напомнил наблюдатель.

– Да, «Пионер-10», «Пионер-11» и «Вояджеры» – наш последний шанс достучаться до звёзд. На их борту находится информация о людях. И хотя эти данные неполны, однако общее представление получить можно. Жаль только, что зонды в пути будут миллионы лет и результатов мы не дождёмся. Впрочем, наука не стоит на месте, и возможно скоро будут запущены более совершенные зонды. Для человечества ещё всё впереди!.. Контакт рано или поздно всё равно станет реальностью. Как и когда это произойдёт, не знает никто. Но вера будет жить вечно, поскольку именно она толкает человечество к звёздам, двигает прогресс и заставляет людей карабкаться к вершинам мироздания...

Приступайте к консервации лаборатории и эвакуации персонала.

\* \* \*

Несколько дней спустя.

Тишина исследовательского центра была нарушена появлением странного сигнала. Мощный электрический импульс пробудил дремавшее оборудование. Через несколько мгновений по монитору побежали скудные строчки текста:

«Приветствую вас, братья по разуму!

Люди, ваше сообщение принято. Рассмотрено. Получено согласие на вступление человеческой расы в звёздную конфедерацию. Поздравляем!

В случае готовности к контакту в течение отрезка времени, соответствующего одной минуте по вашему времяисчислению, подтвердите своё согласие присоединиться к сообществу Универсума.

Начинаю отсчёт времени: шестьдесят секунд... пятьдесят девять... пятьдесят восемь...»

# Родослав Гедас

## Аполлон-11

Миссия «Аполлона-11» близилась к концу. Громоздкий космический корабль медленно подобрался к лунной орбите. Замер, словно не решаясь преодолеть невидимую черту.

Нил Армстронг, командир «Аполлона-11», вытер выступивший на лбу пот и взглянул в круглое стекло иллюминатора. С орбиты Луна казалась чудовищно огромной, режущей глаз. Поверхность спутника покрывали многочисленные оспины, оставленные метеоритами. От крошечных до многокилометровых, эти раны вызывали невольные ассоциации с последствиями массивированной бомбардировки.

– О’кей, мы на месте! – Армстронг повернулся к товарищам. – Сообщите Хьюстону – полёт прошёл успешно!

Коллинз кивнул. Щёлкнул тумблером. Связь взорвалась резким скрежетом помех. Пилот командного модуля проормотал в микрофон слова командира, а затем добавил:

– Отличная работа, сэр. Они поздравляют нас. Можем приступать к прилунению.

Армстронг улыбнулся. Пока всё шло по плану. «Аполлон-11» стартовал 16 июля 1969 года в 13 часов 32 минуты. Достиг лунной орбиты после 76 часов нелёгкого полёта.

Мало кто верил, что американцам удастся добраться до Луны. Только редкие оптимисты, среди которых был и капитан корабля, надеялись на чудо. И оно произошло. Они сделали это! Утёрли нос русским. Пусть хвалятся тем, что первыми вышли в космос. Невелика заслуга. А они долетели! Ещё немного – и прилунятся. Сердце Армстронга переполняла радость. Подумать только – он станет первым человеком, который ступит на поверхность спутника Земли!

– Внимание! Начинаем отстыковку лунного модуля! – объявил Коллинз.

Армстронг и Олдрин возились с замками креплений. Через несколько минут всё было закончено. Американцы проверили работу приборов. Улеглись в противоперегрузочные кресла. Щёлкнули ремнями безопасности. Армстронг поднял большой палец.

– Начинаю обратный отсчёт! – крикнул Коллинз. – Пять! Четыре! Три!..

Лунная кабина содрогнулась. Затем включился двигатель посадочной ступени, и модуль двинулся к поверхности Луны. Автоматическая система посадки неожиданно потащила кабину прямо в кратер, под завязку набитый камнями. Зажёгся аварийный сигнал. Армстронг выругался. Перешёл на ручное управление, изменяя тягу посадочного двигателя по сигналам радиовысотомера. Красный огонёк действовал на нервы, заставлял покрываться холодным липким потом, будил в душе первобытные страхи. Армстронгу не ко време-

ни припомнилось, как ещё при подготовке к полёту в бок «Аполлона-11» обнаружили трещину. Пробоину быстро залатали, но суеверные Коллинз и Олдрин всё равно посчитали это дурным знаком. Командир корабля только посмеялся над подчинёнными. Однако сейчас происшествие не казалось таким смешным.

– Хьюстон! Это Игл. У нас тут «аварийка» полыхает всюю. Что делать? – стараясь не выдать страха, спросил Армстронг.

– Игл, это Хьюстон, – голос оператора прозвучал с секундным опозданием. – Не обращайтесь внимания. Продолжайте выполнение пилотного задания.

– Понял вас, Хьюстон! – капитан надавил на рычаги ручного управления, как можно дальше отводя модуль от наполненного смертью кратера. Прилунившись он на камни – и обшивка не выдержит. Резкий удар сомнёт тонкую перегородку. Потом улетучится воздух. И даже если они успеют натянуть скафандры, запаса кислорода хватит всего на несколько часов. Вполне достаточно для того, чтобы «Колумбия» смогла вызвать помощь. Но Никсон, разумеется, не захочет попусту переводить деньги налогоплательщиков. Зачем рисковать вторым кораблём? Погибших астронавтов просто спишут как безвозвратные потери и с почестями похоронят за государственный счёт. И начнут программу сначала...

Армстронг потрянул головой, отгоняя печальные мысли. Выворачивая лунный модуль.

– Шестьдесят секунд! – напомнил центр управления полётом. Это означало, что горючего у тормозного двигателя оставалось ровно на одну минуту работы. После чего нужно было либо возвращаться, либо прилуняться. Предельный минимум запаса – 20 секунд. Модуль завис. Армстронг почему-то тянул, не спешил принимать решение.

– Сэр? – встревожено заговорил Олдрин. – Двадцать секунд! СЭР?

Прошло ещё несколько мгновений. Армстронг по-прежнему медлил, не решаясь опуститься на поверхность. Пальцы вцепились в рычаги управления, готовые раздавить ни в чём неповинную пластмассу. Армстронг с усилием втянул в себя воздух:

– Спокойно, Эдвин! Сейчас проклятая пыль рассеется, и мы сможем спокойно причалить!

Олдрин с недоумением глянул в иллюминатор. Вот оно что! Струя газов, вырываясь из сопла работающего двигателя, подняла большое облако пыли, и капитан просто не видел места посадки.

Наконец кабина опустилась и замерла. До критической отметки в десять секунд оставалось всего ничего.

– Хьюстон, говорит «База Спокойствия». Игл сел! – выдохнул Армстронг.

– Понял вас, «Спокойствие». Вы прилунились. Мы тут аж посинели. Теперь можно перевести дух. Спасибо! – слышались робкие аплодисменты.

Они посинели – вот ведь скажут тоже! Капитан фыркнул. Ему-то пришлось куда хуже. Астронавты едва не погибли. Если бы чёртова пыль не улеглась, модуль могло расплющить о камни. Ни могилы, ни памятника, ни скорбящих родственников... В висках стучало, сердце было готово выпрыгнуть из груди. Но раздражение живо улеглось, уступив место рабочей сосредоточенности.

– Эй, Эдвин! Приступаем!

Армстронг выбрался из противоперегрузочного кресла. Проверил работу бортовых систем. По плану следовало отдохнуть, но переполнявшее американцев возбуждение требовало немедленного выхода. Капитан «Аполлона-11» связался с центром управления, и медицинский руководитель дал добро на изменение первоначального плана. Нервное напряжение всё равно не дало бы уснуть.

Астронавты напялили скафандры. Проверили герметичность. Армстронг включил внешнюю бортовую камеру, взялся за ручку люка. Крутанул. Затем плавно потянул массивную пластину на себя. Скинул лестницу. Немного помедлив, стал спускаться. Мягко коснулся поверхности. Подошвы утонули в мягком грунте.

– Что там, сэр? – слышалось в динамике внутренней связи. Олдрин сунул голову в открытый люк, наблюдая за тем, как капитан топчется у лунного модуля.

– Всё нормально, Эдвин! Просто пыль. Ощущение такое, словно идёшь по траве... – Армстронг осторожно шагнул

вперёд. И выпалил: «Это один маленький шаг для человека, но гигантский скачок для всего человечества!»

С помощью специальной камеры Армстронг сделал несколько панорамных снимков. Прошёлся, непривычно пошатываясь, с осторожностью впечатывая тяжёлые ботинки в пыль. Та клубилась, весело обволакивала подошвы.

– Сэр, я выхожу! – сообщил пилот лунного модуля. Через мгновение возбуждённый Олдрин уже стоял на Луне, с удивлением и детским восхищением глядя по сторонам. – Пустынное великолепие!

Армстронг пожал плечами. Делать это в скафандре оказалось неудобно. Командир «Аполлона-11» скинул крышку контейнера, закреплённого на одной из посадочных опор. Посмотрел на памятную табличку с картой земных полушарий. Стал читать в микрофон, стараясь придать голосу уверенность:

– Здесь люди с планеты Земля впервые ступили на Луну. Июль тысяча девятьсот шестьдесят девятого года от Рождества Христова. Мы пришли с миром для блага всего человечества... – слова звучали до неприличия напыщенно. Почему во всех фильмах пришельцы всегда говорят подобную чушь?

Луна была великолепна. Отсутствие атмосферы придавало спутнику дополнительную торжественность и своеобразную изящность. Контрастность же была вне всяких похвал. Но куда более величественной казалась Земля. Бело-голубой

шар планеты навис над американцами, заставив их замереть от восторга. Люди казались муравьями на фоне массивного тела Земли. Как странно и в то же время интересно смотреть на колыбель человечества со стороны, летя среди серебряной россыпи звёзд в черноте царственного космоса.

Армстронг улыбнулся. Сбылась вековая мечта романтиков о крыльях. То, что казалось смелой фантазией, вымыслом писателей, стало реальностью. Они на Луне! Капитан «Аполлона-11» едва сдерживался, чтобы не пуститься в пляс. Репутация командира космического корабля (будь она проклята!) не позволяла астронавту выразить чувства должным образом. Вместе с Олдрином Армстронг попрыгал, подобрал несколько камушков – они здорово смахивали на куски швейцарского сыра.

Когда возбуждение улеглось, астронавты установили телевизионную камеру. Вбили в грунт нейлоновый флаг США. Придали полотнищу надлежащий вид. После чего провели короткий сеанс связи с Ричардом Никсоном. Президент широко улыбался, говорил напутственные слова: долг, честь, патриотизм, великая ответственность, первые люди на Луне... Однако в голосе Никсона легко улавливались фальшивые нотки. Высадка на Луне – это, конечно, замечательно, но куда более важно то, что янки всё-таки утёрли нос Советам, прилунились первыми! Это давало определённые дивиденды, а NASA теперь смело могло рассчитывать на дополнительные, и немалые, ассигнования. Для Армстронга не было

секретом, что правительство США затеяло всю эту шумиху насчёт Луны с одной-единственной целью – заполучить билет в космос, чтобы наспиговать его оружием. «Холодная война» была в самом разгаре, и дяде Сэму не хотелось отдавать в руки русским стратегическую инициативу. Овладев космосом, американцы могли диктовать Советам свои условия... Впрочем, ему-то что? Он просто выполняет свою работу, а на остальное наплевать!

Для памяти сфотографировались на фоне пустынного пейзажа, изображая всем своим видом непомерную радость. Сделали пару фотографий для «яйцеголовых» – пусть порадуются. Напоследок пробежались, поднимая клубы пыли, радуясь лёгкости, вызванной пониженной гравитацией. Улетать не хотелось. Когда ещё придётся прилуниться?..

Армстронг в последний раз оглядел Море Спокойствия. Затем развернулся и решительно зашагал к лунному модулю.

Внезапно внимание астронавта привлёк какой-то диковинный предмет. Армстронг медленно двинулся в его сторону. Присел. Принялся очищать от толстого слоя пыли. По мере того как предмет приобретал всё более ясные очертания, росло изумление американца. Астронавт отказывался верить своим глазам, раз за разом повторяя как сумасшедший:

– Не может быть... Не может быть!..

# Пигмалион и Галатеея

Вечерело.

Мягкий летний ветерок пробежал по волнам. Поиграл с брызгами, ткнулся шаловливо в прибрежный песок. Тонкая пелена медленно затягивала небо. После изнурительной жары серые облачка казались спасением, посланным жителям Эллады милостивыми богами Олимпа. Подарок Зевса возвращал к жизни, заставлял выбираться на улицу, подставлять лицо прохладным струям воздуха.

Пигмалион, царь Кипра, вышел из мастерской. Убрал свисающую на глаза седую прядь. Промокнул чистой тряпицей лоб. С удовольствием потянулся, разминая затёкшие члены. Тело ломило. Однако это было приятно. Работа спорилась. Очередная статуя вышла на редкость удачной – не чета предыдущим. Слово живая... Всё-таки не зря уговорили его использовать привезённый издалека, редкий, белоснежный, словно вершина Олимпа, мрамор.

Пигмалион неспешно приблизился к кромке воды, на мгновение замер, словно прислушиваясь к тихому шёпону моря. Ветерок трепал волосы, мягко гладил кожу. Царь Кипра присел. Опустил руки в зеленоватую воду. Стал смывать мелкую белёсую пыль, смочил лицо. Провёл ладонями по отросшей бороде.

«Хороша получилась! – подумал Пигмалион. – Вряд ли

мне ещё когда удастся создать нечто подобное. Почти совершенство... Не то, что живые, пустые, болтливые существа – женщины. Все беды Эллады от них. Да что там Эллады. Всей Ойкумены. Они глупы и непостоянны. Своенравны и капризны. Порой кажется, что Прометей, создавший род человеческий из куска глины, сотворил их по ошибке и уж наверняка не знал, к чему приведёт его работа. А теперь нам, мужчинам, расплачиваться за его промах».

Ещё в детстве царь Кипра прославился своим мастерством скульптора. Юноша создавал такие прекрасные изваяния девушек, что глядя на них дух захватывало. От заказов не было отбоя. Ваятель, несмотря на царское происхождение, никогда не отказывался ни от чьих просьб. Но юношу мало интересовали деньги. Он жил работой, которая стала целью его жизни. В каждую статую Пигмалион вкладывал частичку самого себя, дарил неживому камню частицу своей души. Все, кто видел его за работой, в один голос говорили, что мёртвый камень буквально таял в руках Пигмалиона, принимал любую форму согласно его желаниям. Словно боги Олимпа вели руку скульптора. И он трудился без сна и отдыха. Пигмалион искал Гармонию. Искал и не мог найти. И царь Кипра снова и снова брался за резец.

Мастерство Пигмалиона росло день ото дня. Но за талант нужно платить. Его платой стала молодость. Работа высушила Пигмалиона. Превратила из прекрасного юноши в глубокого старика, живущего только своей работой. Каждый

день приносил не только новые образы, новые статуи и новое признание, но и седые волосы, морщины и слабость в теле. Пигмалион боялся не успеть. Страшился, что однажды не проснётся, умрёт, а Гармонии так и не достигнет, не найдёт безупречного образа. Скульптор посмотрел на своё отражение в воде. На него взирало лицо дряхлого старика. Запавшие глаза, бледное лицо, клоки седых волос. Печальное зрелище.

– Неужели это я? – ужаснулся царь Кипра. – Ведь мне всего двадцать лет!

Он грустно улыбнулся. Плата оказалась слишком высокой. Молодость безвозвратно ушла, просыпалась песком сквозь пальцы вечности. Правитель Кипра с силой ударил по воде. Морская гладь разбилась. Заискрилась миллионами брызг в лучах заходящего солнца. Плеснула мелкой россыпью в лицо. Заставила зажмуриться. Неужели так и не получится? Неужели идеал так и останется призрачным образом, далёким и недостижимым?

Но нет! Его сегодняшняя работа восхитительна. Пигмалион чувствовал, что новое творение перевернёт все представления о Красоте и Гармонии. Эллада будет потрясена. Только ещё кое-что подправить... Несколько последних штрихов... Главное успеть, успеть до того, как Мойры перережут нить его жизни.

Пигмалион решительно поднялся, но не смог сделать и шага. Что-то тяжёлое давило, не давало сдвинуться с ме-

ста. Словно тысячи злобных порождений Аида опутали тело невидимыми цепями.

Царь Кипра беспомощно сжал кулаки. Стиснул зубы. Неужели перевозчик Харон пригнал свою ладью к воротам его дворца? Но почему так рано? Почему дочери Ананке так жестоки? Неужели его нить Судьбы так коротка?

– Нет! Мне ещё рано умирать! Я не доделал главного! – воскликнул Пигмалион.

И сразу стало легче. Незримые оковы спали. Скульптор сглотнул. Вытер покрытое морскими брызгами и бисером пота лицо. Вернулся в мастерскую, где копошились слуги, где, укрытая покрывалом, стояла ОНА – статуя, лучше которой ещё никогда не выходило из-под его резца. Он чувствовал, что в фигуре из мрамора сосредоточилось всё его мастерство, его талант, понимание мира, Гармонии и Красоты. Изящные линии тела, прелестные черты лица... Осталось только довести работу до ума. А после не страшен и сам Аид.

Пигмалион взялся за резец. Привычным движением сжал рукоять молотка. Шагнул к статуе. Сорвал покрывало. И замер, не в силах пошевелиться.

С невысокого пьедестала на скульптора смотрела божественно прекрасная женщина, красотой своей не уступающая великой Афродите. Казалось, изваяние дышит, что оно вот-вот заговорит.

Пигмалион, ослеплённый красотой своего творения, по-

пятился назад. Руки опустились. Инструменты с грохотом упали на пол.

Он всё-таки успел.

Скульптура была идеальна. Прикосновение металла только разрушило бы очарование и первозданную красоту женщины, рождённой из мрамора.

Воистину, это лучшее его произведение.

Ваятель опустился на покрытый меловыми разводами пол. Долго смотрел на своё творение, впитывая в себя его красоту и соразмерность. Заглядывавшие в мастерскую слуги понимающе кивали и тихо удалялись. Лишь старая подслеповатая кухарка осмелилась потревожить Пигмалиона.

– Кушать подано, господин.

– ВОН! – царь Кипра вскочил на ноги. – Все вон!

Слуги в страхе разбежались, а ваятель снова опустился на пол. Подтянул к груди колени, упёрся в них подбородком и снова уставился на холодный камень:

– Да, это моя лучшая работа. Само совершенство.

В ту ночь Пигмалион долго не мог заснуть. Молча сидел у ног статуи, думая о прожитых годах и своём одиночестве. У него никогда не было ни друзей, ни любимой, той единственной, которой можно доверить всё, которая не рассмеётся в лицо, не назовёт пустым, витающим в облаках мечтателем. Он не знал, что такое любовь.

Мать умерла рано. Он почти не помнил её. Отец же и слышать ничего не хотел о каких-то чувствах. По его мне-

нию, взять можно было всё. Вопрос только в цене. А любовь, дружба... Пустой, никому не нужный хлам. Так и воспитывал сына.

И вот теперь он, любимец богов и всей Эллады, искусный ваятель и царь Кипра, одинок.

Хотелось завывать.

Пигмалион сжал зубы. Заиграл желваками. Боги лучше знают. Место каждого предопределено, и восставать против Судьбы глупо. Ей покорны даже олимпийцы.

Но как всё же хотелось найти вторую половинку. Ту, которая поддержит, согреет и поймёт. Будет любить не за монеты, а искренне и чисто. Живое существо со своими достоинствами и недостатками, мыслями и чувствами.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.